

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНО-ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ВЫСШЕГО АРБИТРАЖНОГО СУДА И ИХ СООТНОШЕНИИ С ПРАВОВЫМИ ПОЗИЦИЯМИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. Г. Кузьмин

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

В статье представлены размышления автора о конституционном предназначении судебно-правовых позиций прекратившего деятельность ВАС РФ и их соотношении с правовыми позициями КС РФ. Обосновывается вывод о том, что судебно-правовые позиции высших судов, наделенные особенной адресной нормативностью, направлены на поддержание единообразия в толковании и применении норм права судами и являются элементами конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы. Судебно-правовые позиции ВАС РФ имели своим конституционно-правовым предназначением не нормативное обязывание нижестоящих арбитражных судов принимать определенное решение по конкретному делу или по делам аналогичного характера (судебный прецедент), а посредством присущей им особой нормативности они должны были задавать вектор выработки и принятия конституционно-взвешенных решений, не исключая, однако, того, что решения эти будут скорректированы с учетом судебной интерпретации фактических обстоятельств дела, правильно (конституционно) соотношенных с оценочными правовыми понятиями.

Ключевые слова: конституционно-правовое предназначение правовых позиций высших судов, судебная система, правовые позиции Конституционного Суда РФ, судебно-правовые позиции Высшего Арбитражного Суда РФ, судебное решение.

Новое для российской правовой системы явление – как правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, названные Г. А. Гаджиевым «прецедентной революцией» [1, с. 5], – породило немало правоприменительных проблем и теоретических дискуссий. Важнейшую роль в их разрешении сыграло Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 4 ст. 170, п. 1 ст. 311 и ч. 1 ст. 312 АПК РФ в связи с жалобами ЗАО ПО «Берег», ОАО «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор». В указанном постановлении Конституционный Суд РФ указал, что пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам судебных актов, вступивших в законную силу, предполагает необходимость прямого указания в постановлении Пленума ВАС РФ или постановлении Президиума ВАС РФ на возможность придания приведенному в нем толкованию норм права обратной силы, и от-

дельно подчеркнул недопустимость придания обратной силы нормам, ухудшающим положение лиц, на которых распространяется их действие.

Отметим, что следствия проведенной конституционализации нередко неоправданно драматизируются, связываются с угрозами «девятого вала» судебных исков о пересмотре судебных актов в связи с выявленным Конституционным Судом РФ конституционно-правовым смыслом примененных в конкретном деле норм. Ошибочность таких представлений, по нашему мнению, основывается на «расширительном» толковании собственно правосудной компетенции Конституционного Суда РФ (ч. 3 ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), с одной стороны, и неосновательном принижении роли в осуществлении правосудия высших судов (теперь уже только Верховного Суда РФ), с другой стороны. Разумеется, арбитражные суды не могут преодолевать решения Конституционного Суда РФ в силу ст. 118, 125–128

Конституции РФ, однако возможность требовать пересмотра ранее принятых решений судов (и иных органов) есть только специфическая форма поощрения конкретных граждан, инициатива которых обусловила принятие Конституционным Судом РФ по жалобе на нарушение их конституционных прав и свобод решения о признании неконституционным закона (иного нормативного правового акта) или его отдельного положения. Дела этих заявителей подлежат пересмотру компетентными органами, невзирая на истечение пресекательных сроков и независимо от того, определены ли соответствующие основания для пересмотра дела в иных, помимо ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», актах. Другие лица, чьи дела также были разрешены судами на основании актов, признанными неконституционными, но которые при этом не являлись участниками конституционного судопроизводства, могут претендовать на пересмотр их дел в установленных федеральным законом случаях, то есть с использованием закрепленных другим законодательством материально-правовых оснований и процессуальных институтов.

Причем именно ВАС РФ можно поставить в заслугу появление конституционно-правового установления, согласно которому наличие материальных и процессуальных предпосылок, а также возможных препятствий для пересмотра основанных на неконституционных актах решений (например, в связи с истечением срока исковой давности либо пропуском срока для возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам) подлежит установлению по заявлению гражданина или уполномоченного должностного лица тем судом, к компетенции которого отнесен такой пересмотр, при соблюдении общих правил судопроизводства.

Гораздо более достоверной и опасной представляется нам угроза того положения дел, что на практике нередко суды прибегают к различным казуистическим уловкам, чтобы не исполнять решения Конституционного Суда РФ; причины тому – «желание настоять на правильности своего решения и непринятие чужого толкования как более правильного» [5, с. 289].

Наиболее соотнесенным с темой нашего исследования представляется анализ Постановления Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П, представленный

В. И. Круссом [3, с. 23–28]. Нельзя не согласиться с этим ученым в том, что для адекватного восприятия принятого решения важно знать его предысторию. Остановимся на ней еще раз с учетом исключительной важности вопроса. Пленум ВАС РФ принял Постановление от 14 февраля 2008 г. № 14 «О внесении дополнений в Постановление Пленума ВАС РФ от 12 марта 2007 № 17 «О применении АПК РФ при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам». В этом Постановлении, истолковав нормативные положения п. 1 ст. 311 и ч. 1 ст. 312 АПК РФ, Пленум ВАС РФ приравнял ко вновь открывшимся обстоятельствам определение практики применения положений законодательства (смысла этих положений) в правовых позициях ВАС РФ, содержащихся в Постановлении Пленума ВАС РФ или Постановлении Президиума ВАС РФ, в том числе принятых по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора.

Конституционный Суд РФ указал, что сформированный в результате вышеназванного истолкования механизм пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам: 1) вытекает из полномочий ВАС РФ, закрепленных в ст. 127 Конституции РФ (дача разъяснений по вопросам судебной практики); 2) не может быть признан нарушающим конституционные критерии законного суда и независимости судей исключительно на том основании, что Пленум ВАС РФ дал более широкое истолкование положений АПК РФ, продиктованное потребностями арбитражного судопроизводства.

В. И. Крусс задается вопросом: что это за потребности, которые, с позиций ортодоксального восприятия российской правовой системы, входят в противоречие с принципом разделения властей; приемлемы ли они? И отвечает: поскольку речь идет о защите и обеспечении прав и свобод человека, такие «потребности» «нельзя поставить под угрозу даже в связи с угрозой «нарушения» указанного конституционного принципа, во-первых. Сами же конституционные принципы не могут быть нарушены постольку, поскольку они учитываются в связи с этими потребностями, во-вторых. Так проявляется высшая ценность человека, его прав и свобод как альфа и омега конституционного правопонимания» [3, с. 25–26].

По мнению ученого, мотивируя принятое решение, Конституционный Суд РФ дал единственно возможное обоснование обозначенной конституционной коллизии. Согласно расставленным Судом акцентам, само по себе расширительное толкование норм закона высшим судом в руководящих разъяснениях нижестоящим судам (судьям) может нарушить конституционные критерии независимости судей, даже если такое расширительное толкование было обусловлено потребностями судопроизводства. «Дело, однако, не в осуществленном расширительном абстрактном толковании норм права и не в потребностях судопроизводства как таковых, а в необходимой конституционности «обретаемых» судами (судьями) и воспринимаемых им как общеобязательных правовых смыслов тех или иных абстрактно истолкованных законодательных установлений».

Далее отмечается, что исходя из значения конституционных положений никто не вправе вторгаться в компетенцию судов как органов судебной власти в рамках осуществляемого ими правосудия: ни ВАС РФ, ни даже Конституционный Суд РФ. Однако последний имеет исключительное право легитимной конституционной интерпретации любых нормативных правовых положений и, принимая данное постановление, он осуществляет конституционную доработку выявленных ВАС РФ смыслов законодательных положений, утверждая их окончательно в качестве конституционно-правовых. При этом решающим аргументом в пользу конституционности новых процессуальных положений становится выявленное институциональное расширение (не ограничение) гарантированных возможностей каждого (ст. 45 Конституции РФ) добиваться в суде защиты своего права или законного интереса [3, с. 27].

И здесь мы подходим к главному, на наш взгляд, доводу, проясняющему и особую природу судебной правовой аргументации высших судов, выраженной в их руководящих разъяснениях, и «безопасность» такого воздействия на суды, «проникновения» в механизм принятия судебного решения для конституционного принципа независимости судей. Как подчеркнул Конституционный Суд РФ, разъяснения эти в любом случае (ч. 4 ст. 170 АПК РФ) останутся только возможными дополнительными обоснованиями, только для принимаемых судами решений. Это и позволяет характери-

зовать соответствующие формулировки, наделенные особенной адресной нормативностью как судебные правовые позиции. «Выявить конституционно-правовой смысл закона и «оформить» его общеобязательным образом – принципиально разные вещи. «Разъясняющие» полномочия высших судов направлены на поддержание (а не обеспечение) единообразия в толковании и применении норм права судами и являются элементами конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы (а не системы права)», – подчеркивает В. И. Крусс [3, с. 28].

Судебно-правовые позиции высших судов, ВАС РФ в частности, вполне соответствуют той модели правосудия, которая должна основываться на положениях ст. 15 (ч. 1), 17, 18, 19 и 120 Конституции РФ, тогда как правовыми позициями, нормативность которых есть величина «окончательная» и безусловная, они считаться не могут, в том числе потому, что существуют и конституционная обязанность запроса суда любой инстанции, пришедшего к выводу о неконституционности подлежащего применению закона, в Конституционный Суд РФ, и возможность конституционно-правового опровержения и дисквалификации судебной правовой позиции.

Судебно-правовые позиции ВАС РФ имели своим конституционно-правовым предназначением не нормативно обязывать арбитражные суды принимать определенное решение по конкретному делу или по делам аналогичного характера (судебный прецедент), но посредством присущей им особой нормативности, они должны были «настраивать» арбитражные суды на волну выработки и принятия конституционно-взвешенных решений, не исключая, однако, того, что решения эти будут скорректированы с учетом судебной интерпретации фактических обстоятельств дела, правильно (конституционно) соотношенных с оценочными правовыми понятиями. Такое восприятие всегда останется только возможным, даже при наличии безоговорочно конституционных судебной правовой позиции ВАС РФ, как получивших подтверждение в решениях и правовых позициях Конституционного Суда РФ. При этом оно является необходимым условием реального правосудного соучастия в конституционализации правовой системы России.

Текст Конституции РФ, как неоднократно подчеркивалось в юридической литературе, определяет потенциал и формат конституционных преобразований как возможности в определенных пределах уточнять и изменять условия общественного компромисса, реализовывать правовые изменения, направленные на совершенствование государства и социума в соответствии с высшими мировыми достижениями в политико-правовой сфере.

В конституционном контексте представляется крайне важной правовая логика, которой руководствуется судебный орган при необходимости установления приоритетов определенного правового принципа или интереса, преодоления пробелов или коллизий в праве и законе, и которая, по смыслу конституционализации, должна базироваться на исследовании конституционного смысла той или иной юридической нормы и сложившейся правоприменительной практики по рассматриваемому вопросу. Квинтэссенция такой правовой логики находит свое выражение прежде всего в правовых позициях Конституционного Суда РФ, но это не означает, что ее могут быть лишены судебно-правовые позиции высших судов (ВАС РФ), что и определяет актуальность их сопоставления и оценок через призму конституционализации.

Отраслевая (подведомственная) специализация правосудия не может служить препятствием для такого сравнительного анализа, и не только в силу известной универсальности предметной подведомственности Конституционного Суда РФ. Современная арбитражная судебная практика также должна работать на преодоление догматических «отраслевых барьеров» [4, с. 30], о которых как об угрозе «слепого правосудия» более столетия назад писал выдающийся ученый Г. Ф. Шершеневич [6, с. 20–21].

Сегодня представляется бесспорным, что именно конституционные нормы, лежащие в основе детализирующих их отраслевых положений, интегрируют политические, моральные и юридические основы национального правового регулирования, что, по мнению И. П. Ильинского, способствует установлению гибкой и эффективной системы регулирования социальных отношений [2, с. 32–44].

Развивая это утверждение, можно, таким образом, говорить о том, что конституционализация деятельности судебной власти непосредственно определяется степенью единообразия конституционного правопонимания и соответственно толкования и применения юридических норм высшими судами Российской Федерации. При сопоставлении же подходов Конституционного Суда РФ к выработке правовых позиций и ВАС РФ к формированию судебно-правовых позиций, как равно направленных на конституционное разрешение юридических конфликтов и гармонизацию соотношения прав и законных интересов участников правовых отношений, «презумпция эталона» должна относиться все-таки к доктринально-нормативным формулировкам высшего органа российской конституционной юстиции.

Литература

1. Гаджиев, Г. А. Методологические проблемы «прецедентной революции» в России / Г. А. Гаджиев // Журнал конституционного правосудия. – 2013. – № 4. – С. 5–8.
2. Ильинский, И. П. Конституционно-правовое регулирование общественных отношений / И. П. Ильинский // Общественные науки. – 1977. – № 6. – С. 32–44.
3. Крусс, В. И. Конституционные критерии независимости судей в контексте дефицита конституционного правопонимания / В. И. Крусс // Проблемы независимости и беспристрастности судей в Российской Федерации: материалы науч.-практ. конф. – Тверь, 2010. – С. 23–28.
4. Крусс, В. И. Конституция Российской Федерации и отечественная наука права / В. И. Крусс // Проблемы права. – 2013. – № 4 (42). – С. 30–31.
5. Султанов, А. Р. Очерк о применении норм Конституции РФ и исполнении решений Конституционного Суда РФ в арбитражных судах и судах общей юрисдикции / А. Р. Султанов // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 2. – С. 283–313.
6. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права: учебное пособие (по изданию 1910–1912 гг.): в 2 т. Вып. 1. / Г. Ф. Шершеневич. – М., 1995. – Т. 1. – 308 с.

Кузьмин Андрей Георгиевич – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: akuzmin@chelarbtr.ru.

Статья поступила в редакцию 9 апреля 2015 г.

TO THE QUESTION OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL PURPOSE OF THE JUDICIAL-LEGAL POSITIONS OF THE SUPREME ARBITRATION COURT AND THEIR RATIO WITH LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. G. Kuzmin

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article presents the author's reflections on the constitutional mission of judicial positions to stop the activities of the Supreme Arbitration Court of the RF and their relation to the legal positions of the Constitutional Court. The conclusion that the appearance of the constitutional and legal positions of higher courts is proved, according to them the existence of substantive and procedural prerequisites, as well as possible obstacles to revision based on the unconstitutional acts of making, is the result of the highest court of economic justice. Judicial and legal positions of higher courts are the elements of the constitutional framework for the protection of the unity and consistency of the Russian legal system. Judicial and legal positions of the SAC of the Russian Federation have their constitutional and legal purpose of not normative obligation of lower arbitration courts to take a definite decision in a particular case or cases of a similar nature (legal precedent), but by the inherent standardization they should ask the vector of formulation and adoption of the constitutional decisions, not excluding, however, that these decisions will be adjusted according to the judicial interpretation of facts correctly (constitutionally) correlated with the estimated legal concepts.

Keywords: *constitutional and legal purpose of the legal positions of higher courts, the judicial system, the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, judicial and legal position of the Supreme Arbitration Court, the judgment.*

References

1. Gadzhiev G. A. [Methodological problems «case-revolution» in Russia]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya [Legal order]*, 2013, no. 4. pp. 5–8.
2. Il'inskiy I. P. [Constitutional and legal regulation of social relations]. *Obshchestvennye nauki [Legal order]*, 1977, no. 6. pp. 32–44. (in Russ.)
3. Kruss V. I. Konstitutsionnye kriterii nezavisimosti sudey v kontekste defitsita konstitutsionno pravoponimaniya [Constitutional criteria for the independence of judges in the context of the constitutional deficiency of law]. *Problemy nezavisimosti i bespristrastnosti sudey v Rossiyskoy Federatsii: materialy nauch.-prakt. konf. [Problems of the independence and impartiality of judges in the Russian Federation: scientific and practical materials]*. Tver', 2010, pp. 23–28. (in Russ.)
4. Kruss V. I. [The Constitution of the Russian Federation and the Russian science of law]. *Problemy prava [Legal order]*, 2013, no. 4 (42), p. 30–31. (in Russ.)
5. Sultanov A. R. [Essay on the application of the Constitution and the implementation of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in arbitration courts and courts of general jurisdiction]. *Vestnik grazhdanskogo protsessora [Legal order]*, 2012, no. 2, pp. 283–313. (in Russ.)
6. Shershenevich G. F. *Obshchaya teoriya prava (po izdaniyu 1910–1912 g.g.). V 2-kh tomakh. T. I. Vyp. I.* [General Theory of Law (for publication in 1910–1912 years). In 2 vol. 1. T. Vol. 1]. Moscow, 1945, 308 p.

Andrey Georgiyevich Kuzmin – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: akuzmin@chelarbitr.ru.

Received 9 April 2015.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Кузьмин, А. Г. К вопросу о конституционно-правовом предназначении судебно-правовых позиций Высшего Арбитражного Суда и их соотношении с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации / А. Г. Кузьмин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 108–113.

FOR CITATION

Kuzmin A. G. To the question of constitutional and legal purpose of the judicial-legal positions of the Supreme Arbitration Court and their ratio with legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 108–113. (in Russ.)
